

Е. Ф. Никитина

**Русская литература от
символизма до наших дней**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Е11

Е11 **Е. Ф. Никитина**
Русская литература от символизма до наших дней / Е. Ф. Никитина – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 546 с.

ISBN 978-5-458-55544-9

ISBN 978-5-458-55544-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга Е. Ф. Никитиной, несомненно, окажется настольной для многих и многих.

Книга скомпанована по типу, который уже установился для такого рода литературных пособий. Этот тип сложился в моих книжках: „Три эпохи“, „Два века русской литературы“, „Пушкинская студия“, „Старорусская повесть“. Его главной приметой было сочетание литературных тем, библиографии и вопросников. Дальнейшим развитием типа явился „литературно-театральный семинарий“ по Островскому, где введен был „краткий летописец жизни“ поэта и некоторые другие приложения. Жизненность такого рода пособий сказалась тем, что по образцу названных книжек были изданы „Шевченковская студия“ А. В. Багрия (Баку, 1923) и коллективный труд Н. Л. Бродского, Н. А. Гусева и Н. П. Сидорова: „Русская устная словесность“. (Л., 1924). Позднее, разрабатывая тот же тип дальше, я пришел к мысли давать еще синхронистическую таблицу, что и было осуществлено в работе Р. С. Мандельштам: „Художественная литература в русской марксистской критике“ (в третьем издании).

Е. Ф. Никитина, давно работая в области новейшей русской литературы, задумала создать аналогичное пособие. Она восприняла в свой труд все элементы вышеназванных пособий, т.-е. и тематику, и вопросники, и библиографию, и биографические даты, и синхронистику.

И следует сейчас же отметить, что разработана эта схема в предлагаемой книге богато.

Уже один объем книги Е. Ф. Никитиной необычаен, исключителен: в ней 34 печатных листа. Это дало возможность вместить огромный материал. В книге предложено около

270 тем, множество библиографических дат, 240 биографических статей. Особенно отмечу „Синхронистику“ — как по трудности составления таких таблиц, так и по отсутствию их в нашей литературе для новейшего времени. Для древней письменности и нового времени уже имелась в наличии моя книжка: „Хронология русской литературы“ (П., 1914). XIX век был прекрасно разработан Н. Л. Бродским (в „Русской литературе XIX века“ под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского). Но XX век оставался до сих пор без синхронистики. Между тем, „хронология—око истории“, и без нее невозможно осознать последовательное развитие литературы. Е. Ф. Никитина затратила большой труд на выборку хронологических дат из самых разнообразных источников; добытое она расположила по трем параллельным рубрикам. Получилось замечательно наглядное сопоставление социально-политических условий, идеологических движений и художественного творчества на протяжении 35 лет. Многое здесь впервые установлено в хронологическую последовательность. Отмечу, между прочим, что в синхронистику введено и развитие русской литературной науки, чего не находим у прежних синхронистов.

В нижеследующем авторском предуведомлении Е. Ф. Никитина оговаривается, что не затронула в тематике книги тех или иных тем и как бы извиняется за неполноту. Само собою ясно, что литературные темы неисчерпаемы, и что любой составитель темника не смог бы объять необъятное. Однако необходимо признать, что в книге сформулировано огромное количество тем, всесторонне схватывающих русское литературное развитие за целую треть века. Тематизированы и целые направления, как символизм, имажинизм и др., и отдельные поэты, и критики, и вопросы поэтики. Сама формулировка тем удостоверяет, что составительница хорошо осведомлена в литературоведении и чутко улавливает назревающие задачи научного изучения. Что же касается вопросов, то они еще нагляднее свидетельствуют, что она не только намечала многие вопросы, но и сама уже исследовала их. Осведомленные лица сразу увидят, что во многих случаях составительница укладывает в вопросник полный проспект произведенного ею самой специального исследования. Остается пожелать, чтобы Е. Ф. Ни-

китина сама осуществила в печати многое из того, что она предлагает проработать другим.

Необходимо отметить и достоинства библиографирования. В этой области составительница, конечно, имела предшественников, напр. книгу И. Владиславлева: „Русские писатели XIX—XX стол.“, названную выше книжку Р. С. Мандельштам или недавно появившуюся книжку В. Л. Львова-Рогачевского и Р. С. Мандельштам: „Рабоче-крестьянские писатели“. Конечно, все они так или иначе использованы Е. Ф. Никитиной. Но она произвела обширные самостоятельные разыскания. Так, для символистов она перебрала многие старые журналы конца XIX и начала XX веков. Для новейшей литературы ею пересмотрены все журналы, альманахи, критические сборники и огромное количество отдельных книг революционной эпохи. В книге нет сырой, механической библиографии, получаемой из вторых рук, путем заочного знакомства через чужие указатели. Составительница берет свои даты из первоисточника, она отбирает наилучшее, систематизирует рекомендательную библиографию. Достаточно взглянуть на библиографию футуризма, чтобы в этом убедиться.

Биобиблиографический словарь имеет в книге служебное, подсобное значение. Таких словарей за последнее время издано несколько. Но и то, что предлагает Е. Ф. Никитина, весьма полезно. Во-первых, у нее встречаем автобиографии, впервые появляющиеся в печати, стало быть, имеющие значение первоисточника. Во-вторых, многие биографии составлены по-новому, с использованием всего прежде опубликованного материала, и впервые воссоздают жизнь и творчество писателя в точных и полных датировках.

Книга рассчитана на литературные семинарии вузов, педагогов и рабфаков и на литературные кружки. И, конечно, здесь, она пригодится как нельзя более. И преподаватели, и студенты, и автодидакты найдут в книге обильный и добротный материал.

Но по справедливости следует признать, что книга имеет и научное значение. Русская литература „от символизма до наших дней“ изучена очень мало, только эпизодически, в ее отдельных явлениях и фактах. Русский символизм, например, доселе не тронут систематическим исследованием, хотя и вполне завершился исторически. И позднейшие направления

часто уже вполне замкнулись или совершенно созрели. Книга Е. Ф. Никитиной, я убежден, сильно поможет научному изучению новейшей русской литературы. Здесь собран и систематизирован огромный материал. Исследователю остается только приступить к обработке собранного заботливой и щедрой составительницей. Историк литературы, литературный критик, исследователь теоретической поэтики, журналист — все найдут здесь много полезного.

Не пройдет мимо этой книги и социолог-марксист. Составительница сильно выдвигает вперед социологические анализы литературы. На ее книге можно отчетливо наблюдать, какие большие завоевания сделал марксизм за последние годы и как русская литературная мысль настойчиво работает теперь в направлении исторического материализма. Считаю, что имелись все основания назвать книгу „литературно-социологическим семинарием“.

Составительница оговаривается относительно пропусков, ошибок и т. д. Они, конечно, возможны, прямо неизбежны в такой огромной книге, составленной единолично, и в таком детальном био-библио-хронографическом материале. Дело критики отметить все оплошности. Они будут исправлены во втором издании, если книга до него доживет. А она этого вполне заслуживает.

Н. ПИКСАНОВ.

ОТ АВТОРА.

Автор прилагаемой книги, предметом которой являются литературные факты, как нашего недавнего прошлого, так и современности, взял за отправной пункт своей работы с и м-во л и з м.

Символизм, который был предельным моментом в развитии старого искусства, являлся ярким отражением рафинированной буржуазной культуры; он очень показателен и удобен, чтобы, отталкиваясь от него, можно было бы подойти вплотную к явлениям последующим,—к нашему литературному сегодня.

Бесстрастно и беспристрастно, с т. н. общечеловеческой точки зрения,—пользуясь приемами эстетической и имманентной критики,—изучать всю совокупность форм и художественного наследия прошлого нашей литературы и в особенности тревожного и бурного настоящего ее—немыслимо.

Единственный метод, который может дать в изучении литературных явлений плодотворный результат, который, изучая искусство как социальную функцию, обязывает рассматривать литературно-художественное произведение не изолированно, а в свете общественно-экономических отношений, в связи с фактами классовой борьбы, и в то же время позволяет с наибольшей силой почувствовать характер творчества, с наибольшей яркостью выявить индивидуальность автора, является марксистский метод.

Русская критика и история литературы до самого последнего времени в анализе литературных явлений часто расщепляли форму и содержание, говоря об имманентном развитии той и другой стороны произведения, в особенности формы. Этот метод изучения приводил к очень многим ошибкам. Марксизм устанавливает органическую связь формы с харак-

тером определенной эпохи, рассматривает проблему формы и содержания, как единую проблему, в свете монистического, материалистического и диалектического взгляда на искусство. Форма от содержания неотделима.

Марксизм, как научное мировоззрение, развивается, опираясь на изучение общественной жизни и на изучение естественных наук. Объединение достижений этих наук в монистической системе дает возможность глубже проникнуть в механику творчества писателя-художника, подсмотреть и проанализировать процессы в его творческой лаборатории, выяснить зависимость индивидуальности от общественной и естественной среды.

Все вместе взятое помогает определить, почему писатель бросил свой художественный взгляд на этот кусок жизни, а не на другой, почему он взял опыт этой общественной группы, а не иной, в таком-то объеме и такого-то качества. Дальше легко уже будет показать, как и почему так, а не иначе, художник обработал свой опыт, являясь выразителем своего класса, определенных сторон его жизни, его идеологии, психики, в определенный исторический момент, и т. д.

Марксистов часто обвиняют в том, что за содержанием они не видят формы, что литературное произведение они рассматривают, как социально-политический документ, а не как произведение искусства. Это обвинение основано на непонимании марксизма. Плеханов убежденно требует, чтобы произведение в первую очередь было переведено на социологический язык, но в то же время он настойчиво предупреждает, что без художественного чутья критик не в состоянии оценить литературное явление, что исследователь ни на минуту не должен забывать о „живой одежде“ идеологии, т.-е. о форме. Иногда марксистская критика в полемических боях и азарте перегибает палку, но это не говорит ни в какой мере против марксистского метода в целом.

Плеханов на этот счет писал: „Повторяю, возможность злоупотребления материалистической критики не может служить доводом против нее по той простой причине, что нет и не может быть такого метода, которым нельзя было бы злоупотреблять“.

Изучение литературы современного момента, и притом момента переходного времени, когда очень трудно и не всякому

доступно правильное понимание эпохи в ее отдельных сторонах, в ее деталях, в ее сливающихся и пересекающихся течениях, а общей характеристикой социалистического строительства ограничиться уже невозможно, требует особенно осторожных приемов.

Изучать явления литературной жизни в сложной исторической обстановке, полной исторически неизбежными противоречиями, будучи участником этой эпохи, а не холодным и бесстрастным ее наблюдателем, дело несомненно крайне сложное. Изучение и особенно оценка не могут не страдать известной, временами весьма значительной, долей субъективизма,—началом, которое является антитезой подлинной науки. Освободиться от этого возможно по мере того, как литературные явления и события общественной жизни будут отходить в глубь, по мере того, как улягутся многие страстные споры, и наступит некоторое спокойствие. Все это, конечно, не мешает определить правильно основные, главные контуры современной литературы. Детали здания будут вычерчены и вылеплены с течением времени.

Наука, ведающая словесное искусство, в известной мере всегда окрашена субъективизмом.

Ни одна школа древности еще не разработана так, чтобы кто-нибудь мог с уверенностью сказать, что освещенные факты, происшедшие в минувших веках, доподлинно были таковыми, какими изобразили их нам. В образно-эмоциональном субъективное начало сказывается с особенной интенсивностью.

Надо овладеть строго научным методом, тогда можно оперировать литературным материалом, какой бы давности ни были факты.

За отсутствием надлежащего количества данных и строго научной проверенности уже имеющегося материала, касающегося русской общественности и литературной жизни новейшего периода, разумеется, выводы будут пока наукообразными. Разделяя воззрение, что поэт является не столько индивидуально-творческой единицей, сколько фокусом, в котором отражаются признаки, объединяющие его современников однородного социального коллектива, класса, автор книги полагает, что тщательно всматриваясь в поэтику, изучая стиль литературных школ, что требует предварительного

анализа поэтики каждого отдельного лица, можно прийти до того точного учета всех обстоятельств, органических и сопутствующих словесному искусству, до того учета, который может быть назван близким к полной истине.

Задача автора сводится к тому, чтобы помочь путем анализа единичных памятников отдельных представителей новейшей литературы подметить черты, их роднящие и их объединяющие в группы, направления, школы.

Предлагаемая книга распадается на три основных отдела: 1) литературные темы с вопросами и библиографией; 2) био-библиографический словарь писателей; 3) синхронистические таблицы по русской литературе и общественности.

Первый отдел обнимает литературные явления с 90-х годов прошлого века вплоть до наших дней.

Темы о поэтах расположены по литературным направлениям и школам в их хронологической последовательности, а именно: символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм, конструктивизм, пролетарская поэзия, крестьянская поэзия,— и другие.

Темы о писателях составляют рубрику „Художественной прозы“, при чем авторы сгруппированы по признакам хронологической, идеологической или художественной близости. Конечно, эта классификация неизбежно носит условный характер, так как многие писатели наших дней с трудом поддаются точной классификации—в смысле отнесения их к определенной литературной группировке или школе. Да и сами эти сложившиеся группировки отличаются неустойчивостью и неопределенностью.

Взять хотя бы такой расплывчатый и мало выразительный термин, как „попутчики“. Кого только не относят в эту категорию! Нет четкого научного определения даже такого понятия, как „пролетарская“ поэзия. Совершенно не выяснен вопрос о том, что же характеризует эту пролетарскую литературу?

Всем хорошо известно, что спор о том, есть ли и может ли быть пролетарская поэзия, утих, замолк, но не закончен и не разрешен окончательно. Он еще вспыхнет. Есть какая-то странная категория литературы,—„рабоче-крестьянская“. Чем она характерна, какие идеологические черты ей присущи — тоже неизвестно.

Автор думает, что не все критики и публицисты, оперирующие этим термином, отдадут себе отчет в том, какую путаницу несут они в сознание читателя.

Каждый обязан иметь свою точку зрения и отвечать за нее. Автор несет полную ответственность за предлагаемую книгу, но, отмечая, какие трудности и неясности стояли на его пути, сколько есть еще неразрешенных вопросов, надеется, что строгая критика примет все это во внимание при оценке предлагаемой работы.

Распределив писателей по направлениям, автор все же отказался от наименования групп, так как все определения условны, спорны.

Принадлежность некоторых писателей к той или иной группе определить в данный момент почти невозможно.

В основу тематического отдела книги положены темы и связанные с ними вопросы и библиографические перечни, которые предлагались и частью обсуждались в руководимых автором литературных семинариях, кружках и студиях, на педагогическом факультете 2-го Моск. Госуд. Университета, в исследовательском семинарии для преподавателей в Центральном Доме работников просвещения и др.

Но, разумеется, весь материал заново переработан, систематизирован и дополнен рядом новых тем, вопросов и библиографических указаний.

В начале дано несколько общих и частных тем по вопросам современного литературоведения, критики и журналистики.

В наше время, когда в литературоведении идет упорная внутренняя идеологическая борьба между марксизмом и идеализмом, формализмом, эстетизмом, фрейдизмом, введение этих тем не только желательно из-за теоретических соображений, но прямо-таки обязательно по обстоятельствам чисто практического, боевого характера. Эти темы своего рода вступление ко всей работе. Они помогут установить ту точку зрения, которая лежит в основе разработки дальнейших тем об отдельных писателях.

Далее идут темы по художественной литературе: сначала ко всей школе или направлению, а потом к отдельным представителям данной группы. При этом отдельные авторы, в зависимости от их значения в наше время, имеют по несколько тем, охватывающих различные стороны их творческой работы.

Автор не мог, конечно, привлечь в тематический отдел своей книги в с е х п и с а т е л е й, работавших последние 35 лет, и дать исчерпывающий ряд тем. Необходимо было сделать выбор. Понятно, взяты прежде всего бесспорные, так сказать, утвержденные в литературе имена. Брались те авторы, которые могли быть поучительны с той или иной стороны при изучении художественного произведения. С отрицательной или положительной,—для автора в методологическом отношении это не имело большого значения. Если можно учиться на хороших образцах, то нельзя отрицать пользы учобы и на ошибках. Недочеты и промахи порой так ярки и убедительны, что они очень хорошо оседают в сознании, чтобы не подражать им.

Из писателей, недавно выступивших на литературной сцене, привлекались те, о которых имеются уже серьезные критические отзывы.

„Литературный молодняк“ в целом еще не может подлежать детальному изучению в кружках и семинариях. Он еще не окреп, его черты не оформились, еще невозможно определить ни размер дарования, ни органическое, ни случайное в его творчестве. Суждения о нем могут быть высказываемы лишь с громадными оговорками. Что справедливо и верно сегодня, может оказаться устарелым завтра, после завтра. Словом, для историко-литературной работы, претендующей на известную долю научности, должен браться материал, более или менее отстоявшийся, определившийся. Случайные характеристики данного дня могли бы помешать в дальнейшей работе или потребовали бы скорой переработки книги. Попутно автор должен отметить, что даже и те писатели, которых мы ставим в ряды уже сложившихся, по существу еще молоды, еще продолжают развиваться, и несомненно современем в характеристику их творчества придется вносить те или иные поправки.

Характерный факт, что оценка литературного произведения современниками сплошь и рядом расходится с оценкой позднейших критиков.

Автор старался быть объективным в этом отношении, старался не пропустить ни одного более или менее крупного литературного факта. Но, разумеется, без промахов и без пропусков не обойдешься.